

Title	Гражданское общество и государство
Author(s)	Симония, Нодари А.
Citation	Acta Slavica Iaponica, 15, 1-15
Issue Date	1997
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/40144
Type	departmental bulletin paper
File Information	15_1-16.pdf

Гражданское общество и государство

Нодари А. Симония

Даже краткий анализ взаимоотношений государства и общества в современной России нельзя начинать без того, чтобы прояснить следующие крайне важные методологические моменты:

а) При сравнении России и стран Запада необходимо учитывать то принципиальное отличие, что Россия изначально развивалась и все еще развивается в рамках вторичной, догоняющей модели. Это означает, что простой и непосредственный перенос на почву России опыта и форм становления гражданского общества, его взаимоотношений с государством на Западе *невозможен*. Первые элементы гражданского общества в европейских странах первичной модели (Англия, Франция и др.) начали возникать в заключительной фазе феодализма, т.е. в период абсолютизма, что происходило на базе глубоких социально-экономических сдвигов. После первых политических революций они получили дальнейшее развитие в начальной, раннекапиталистической фазе в ходе их противоборства с бонапартистскими и реставрационными монархистскими режимами. А завершилось формирование полноценного гражданского общества с переходом во вторую фазу, фазу развитого частнохозяйственного капитализма, что сопровождалось становлением демократических форм жизни общества и государственного правления.

В России мы не наблюдаем этих естественноисторических процессов последовательной и диалектической смены одних фаз другими. Здесь все фазы — и феодального и капиталистического — развития были смазаны, сжаты и накладывались друг на друга. Причем на формирующийся “сверху”, т.е. усилиями правящих верхов, абсолютизм начали накладываться структурные элементы индустриального капитализма, а вскоре также и отдельные элементы бюрократического монополистического капитализма. В результате этого фаза полноценного или развитого частнохозяйственного капитализма с соответствующим ей демократическим строем общества вообще выпала (как самостоятельная). Естественно, поэтому, что вызревавшие во второй половине XIX в. некоторые структуры гражданского общества (земство и т.п.) были крайне слабы и не могли противостоять даже самодержавному авторитаризму. Они тем более не могли стать препятствием в период кризиса самодержавия для возникающего тоталитаризма.

б) Второе важное отличие исторического развития России от стран Западной Европы заключалось в том, что в последних зарождение гражданского общества происходило на основе и в рамках более широких процессов формирования нации и национальных государств. В России же нация и национальное государство так

и не сложились до сих пор. Она пошла по пути формирования “внутриимперского” государства и тем отличалась даже от тех империй, которые образовывались завоеванием заморских территорий. В последнем случае внутри метрополий успешно формировались нации (противостояние колониям даже способствовало этому), а сама метрополия обретала оболочку национального государства. В России не было метрополии, четко отграниченной (политически и экономически) от колоний, и такая необычайно гетерогенная структура государства препятствовала формированию нации, национального государства, а стало быть и гражданского общества. В этом сходство России со многими многоэтническими развивающимися странами, но отличие ее от этих последних в том, что при формировании гражданского общества они стартовали, как правило, от “обычного” авторитаризма, имея в базисе пусть и не очень развитые, но все же рыночные отношения. Мы же стартовали от тоталитаризма, причем в отличие от Германии, Италии или Японии Россия вышла из войны победительницей, и ее тоталитаризм не подвергся какому-либо разрушению. Вот почему процесс демонтажа тоталитаризма первоначально принял исключительно медленный, постепенный, поэтапный характер.

Первые проявления такого демонтажа имели место еще при Н.С. Хрущеве. Уже развенчание культа Сталина положило начало процессу *политизации* общества. Ведь при тоталитаризме общество было до крайности идеологизировано и мобилизовано государством, но *псевдополитизировано*. Причем последнее было ориентировано прежде всего вовне: все митинги и собрания, отчетные доклады генсека ЦК КПСС и секретарей всех уровней начинались с обзора международного положения. Но какая-либо несанкционированная партией реальная политическая активность (независимо от ее содержания) категорически воспрещалась, ибо была противоестественна самой сути тоталитаризма. Публичное же осуждение “культа личности” принципиально меняло ситуацию в партии и стране. Новый культ создать уже не удалось, и, таким образом, из системы тоталитаризма был изъят один из основополагающих стержней. Разоблачение Сталина повлекло за собой также и частичную реабилитацию его политических жертв и ослабление репрессий. Если не в обществе в целом, то в его части — партии и интеллигентских кругах — стало возможным приглушенное инакомыслие (с антисталинистских позиций), в той или иной форме прорывавшееся на страницы партийной печати.

Другим важным признаком политического раскрепощения общества была своего рода “народная политизация” в форме широкого хождения анекдотов о Советской власти, о социализме (особенно о “реальном”), о самом Хрущеве (а позднее Брежневе и др.). В менталитете советского человека была разрушена еще одна опора тоталитаризма — сакральное отношение к власти. Но если этот феномен хорошо известен и достаточно очевиден, то меньше внимания обращают на еще один значительный фактор психологического демонтажа тоталитаризма — *массовое жилищное строительство*, начатое Хрущевым. Сейчас о “хрущобах” говорят лишь в негативном плане. Между тем, миллионы и миллионы советских граждан, получивших *отдельные квартиры*, избавились от одного из самых тягостных и унижительных проявлений тоталитаризма в СССР — тотального повседневного

“соседского” надзора, процветавшего в коммуналах. Более того, они впервые получили саму возможность индивидуальной личной жизни, возможность читать и хранить “самиздат”, слушать (сквозь глушение) “враждебные голоса”, беседовать и спорить с друзьями на индивидуальной кухне и т.д. Это, конечно, было еще не “мой дом — моя крепость”, но уже и не коммунальный барак тоталитарной зоны.

Даже незначительное приоткрытие “форточки” во внешний мир (“оттепель”, политика мирного сосуществования) вызвало определенный “демонстрационный эффект”, сначала в узких интеллигентских кругах, и породило феномен диссидентства. Но более массовое проявление “демонстрационного эффекта” было связано с изменением внешнеполитической стратегии, осуществленной КПСС при Хрущеве. Окончательно осознав, что ориентация исключительно на международное коммунистическое движение не сулит в обозримом будущем никаких политических (тем более экономических) выгод, руководство КПСС в значительной мере переориентировалось на новую “прогрессивную силу современности” — национально-освободительное движение и, особенно, страны так называемой социалистической ориентации. Экономическое и политическое сотрудничество с развивающимися странами вызвало довольно массовый поток советских специалистов за рубеж. Рядовые советские граждане увидели, наконец, “другой мир”, который существенно поколебал их уверенность в абсолютном превосходстве “советского социализма”.

Брежневский период усилил коррозию тоталитаризма и привнес в этот процесс новые моменты: в условиях откровенной коррумпированности и бездарности геронтократического режима идеологическое раскрепощение вылилось в цинизм и неверие в провозглашаемые лозунги и идеалы, всеобщее “двоемыслие” или двуличие, и, как результат этого — нарастание процесса отделения и даже отчуждения реального общества от официального государства. Теперь уже все стремились любыми способами уклониться от таких общественных повинностей, как хождение на субботники, овощные базы, поездки в колхозы на уборку овощей, коллективные посещения театров или чтение произведений “вождей” и т.п. В сфере экономики важным признаком разложения системы было гигантское разрастание масштабов “теневой экономики”, понимаемой не только в узком смысле криминального подпольного бизнеса, но и в широком плане полуофициальной системы лоббирования в Госплане, Госснабе, министерствах (“толкачи”), постоянного завышения сметной стоимости объектов, повседневной практики приписок и т.д. и т.п. В целом, однако, отмеченные выше и многие другие признаки разложения тоталитарной системы не означали еще ее полного крушения. Общество, отчуждаясь от тоталитарного государства, всецело оставалось в его рамках и тисках. И эту систему нельзя даже характеризовать как “бюрократический абсолютизм”, как это сделали в свое время некоторые наши известные социологи.¹ Ведь при абсолютизме в Западной Европе на базе глубоких социально-экономических изменений сформировались сословия, которые, несмотря на абсолютную власть монарха, непосредственно взаимодействовали друг с другом (да и самим монархом), встречаясь на рынке, в ростовщической лавке, в парламенте, наконец,

и которые сохранились и консолидировались даже после ликвидации представительной монархии. Именно они составили после первых буржуазных революций социальную основу становящегося гражданского общества. В СССР же все социальные группы общества оказались включенными в рамки единого *бюрократического* общественно-производственного организма (ОПО), внутри которого все взаимосвязи опосредовались Госпланом, Госнабом, отраслевыми министерствами, департаментами и прочими ведомствами. Независимо от сферы деятельности — колхозники, рабочие, работники культуры и спорта — выступали в качестве *государственных служащих*. Даже “творческие союзы” писателей, художников, архитекторов или кинематографистов были не более чем бюрократическими отростками центрального партийно-государственного аппарата. Как справедливо отмечали цитировавшиеся выше авторы, “общество поглощалось государством, государство — ‘аппаратом’ ”.²

Начало горбачевской Перестройки (1985-1987 гг.) было “эпохой пробуждения России” (и некоторых других республик СССР) в рамках “просвещенного” авторитарного режима. Но когда ожидаемого (и обещанного) экономического ускорения не получилось (да и не могло получиться сразу), то слишком быстро последовала политическая “революция сверху”, которая в значительной мере усилиями “радикальных демократов” еще более стремительно стала “забегать вперед”. Одна из кардинальнейших ошибок М.С. Горбачева заключалась в том, что верхушечное пробуждение общественного сознания (характерное для всех стран вторичной модели) он принял за готовность всего (или большей части) реального общества к серьезным переменам в общественном строе и производстве. Горбачев и его ближайшие соратники не учли факта все еще сохраняющегося массового “патриархального сознания”, идеологии и психологии надежд на “отеческую заботу” верхов. С. Файбисович в газете *Сегодня* справедливо указывал, что демократия — это власть свободных граждан, а у нас превалировал идеал тотального делегирования всех прав и ответственности государству.³ Но и он в своих дальнейших рассуждениях не учитывает, что круг лиц с подлинно демократическими устремлениями был необычайно узок. Кажущаяся массовость демократического течения была обманчивой. “Масса” быстро образовалась за счет моды на демократию и за счет тех конъюнктурщиков, которые до того очень хорошо и гибко служили тоталитаризму, а теперь быстро перестроились (в отличие от экономики и общества), хорошо обладая технологией “колебания вместе с линией партии”.

Первоначальная популярность Горбачева зиждилась не на провозглашаемых им демократических и социалистических лозунгах, а на представлении о нем, как добром и умном “царе”, который быстро наведет порядок в стране и всех осчастливит. Короче, призывая в своих многочисленных выступлениях трудящихся поддержать его начинания “революцией снизу”, Горбачев проигнорировал факт отсутствия в стране гражданского общества. Проблема была не только в том, что партийно-государственная власть довлела над обществом, но и в том, что само общество (по крайней мере значительная его часть) было “антиобщественным”. Его психологическая несвободность была наиболее труднопреодолимым препят-

ствием в становлении полноценного гражданского общества. Бюрократический партийно-государственный каркас, обрамлявший и пронизывавший все реальное общество, уже при Горбачеве начал давать трещины, высвобождая некоторые элементы будущего гражданского общества, но это было только самое начало процесса. До “критической массы”, необходимой для формирования гражданского общества, было еще очень далеко. Вот почему плохо работали (или, вернее, работали совсем не в том направлении) законы “О предприятии”, “О кооперации”, “Об аренде”, “О фермерстве” и т.п. И даже те немногие элементы будущего гражданского общества, которые возникли в этот период (“независимые профсоюзы”, различные “ассоциации” промышленников и предпринимателей, малого и среднего бизнеса, банков, организации ветеранов и т.п.), быстро оказались втянутыми в политическое противоборство между общесоюзной и российской государственной властью, утратив свой самостоятельный характер. А проблемы создания правовых гарантий, общественно-договорных отношений и т.п., необходимых условий формирования гражданского общества, были оттеснены на задний план и служили лишь предметом “общетеоретических” и бесплодных обсуждений в средствах массовой информации.

И все же, Перестройка обеспечила многие важные предпосылки ускорения процесса формирования гражданского общества. (Об этом как-то легко и быстро забыли в шумной суете постгорбачевских политических баталий). Гласность, плюрализм, сама возможность публичной критики властей, включая самого Президента, открытость внешнему миру и значительное облегчение выезда за рубеж — все это способствовало созданию атмосферы всеобщего раскрепощения, гигантскому расширению кругозора большой массы людей. Словом, — это была целая эпоха пробуждения советского общества, которая характеризовалась резким ослаблением роли партии в обществе, внутренним размежеванием в самой партии между реформистами и ортодоксами, началом процесса отмежевания партии от государства. При всей ограниченности и недостаточной результативности экономических реформ были все же заложены и некоторые социально-экономические предпосылки, необходимые для формирования гражданского общества. Появились первые акционерные компании, кооперативы, коммерческие банки, мелкое и среднее предпринимательство, фермерство. В самой партийно-государственной структуре наметилось размежевание между идеологической и хозяйственной номенклатурой, получившее, однако, свое завершение лишь после провала августовского путча 1991 года. В целом, в горбачевский период произошли системно-структурные изменения, несовместимые с тоталитаризмом, но отнюдь не исключавшие (наоборот, из-за своей незрелости объективно предполагавшие) временное сохранение авторитаризма.

* * *

Принципиально новая и весьма противоречивая ситуация сложилась в постсоветский период развития России. С одной стороны, произошло полное “физическое” устранение партии из структуры государственной власти (хотя

засилье старых партийных элементов в некоторых региональных органах власти сохранялось). В стране царила поначалу почти абсолютная свобода действий и слова, свойственная обычно кратковременным послереволюционным периодам. На волне всеобщего энтузиазма, вызванного ожиданием “чудодейственных перемен”, небольшая группка новорожденных российских либералов вместе с примкнувшими к ним более многочисленными попутчиками приобщалась к власти.⁴ Они избрали своим знаменем западный либерализм в его “классическом” варианте и попытались реализовать его принципы в экономической и политической сфере.

Что касается экономики, то такая попытка представляла собой двойную ошибку: во-первых, Россия ни в социальном, ни в психологическом плане не была готова к столь резкому переходу на рельсы до анархичности “свободного” рынка. Отсюда мафиозный, преимущественно торгово-спекулятивный и криминально-финансовый характер значительной части нового предпринимательства. Во-вторых, классический либерализм для самого Запада уже пройденный этап, и поэтому его введение в России означало для нее дальнейшее отставание и ослабление ее позиций визави западных конкурентов. И в политике вскоре же обнаружилась истинная степень готовности (точнее — неготовности) российского общества к подлинно демократическому устройству общественной жизни. Уже в течение 1993 г. выявилось не только отсутствие у правящей группы либералов значительной социальной базы,⁵ но и (что еще важнее) отсутствие социального консенсуса в обществе в целом. Либеральные “реформы” имели своим непосредственным следствием стремительную дифференциацию в обществе и образование глубокой пропасти между 10% внезапно разбогатевших и 35-40% вдруг опустившихся ниже прожиточного минимума. Для последних просто не было места в рамках той модели общественно-экономического развития, которую предлагали Гайдар, Чубайс и их последователи. Естественно, поэтому, что эта масса обездоленных, а также некоторая часть не столь обездоленных, но все же серьезно обиженных на новую власть, втравившую их в ваучерную приватизацию и оставившую их на грабительский произвол “пирамидально-финансовых” проходимцев, — составили потенциальную основу реставрации или, по крайней мере, существенного отката от первоначальной либеральной модели. Очевидно, поэтому, что социальная ситуация в России в 1992-1993 гг. носила взрывоопасный характер, и о каком-либо нормальном процессе формирования гражданского общества не приходилось говорить.

Положение усугублялось в рассматриваемый период отсутствием и политического консенсуса, наглядно проявлявшегося в перманентном противоборстве Законодательной и Исполнительной властей, а также различных фракций последней. История знает примеры того, как представители меньшинства, вознесенные волной политических событий к вершинам власти, сумели удержаться там ценой определенных компромиссов. Но российские либералы всю свою стратегию связали внутри страны — с надеждой на сохранение авторитета президента Ельцина (“первородный грех” современной российской демократии вообще), вовне — с финансово-экономической поддержкой Запада (который, однако, не спешил

осыпать Россию “золотым дождем”). Они проигнорировали и неразумно антагонизировали главного потенциального партнера, компромисс с которым только и мог обеспечить относительную политическую стабильность в обществе, необходимую для нормального экономического развития — *экономическую номенклатуру*. Определенная часть хозяйственной номенклатуры, освободившись от бремени партийно-идеологического контроля, была готова сотрудничать с государственной властью. Но основную ее массу фактически оттолкнули в оппозицию. Это во многом предопределило неизбежность отката и постепенного “выдавливания” либералов из структур государственной (исполнительной) власти. Оправившись от первоначального “шока” (без терапии), номенклатура в 1994–1995 гг. перешла в контрнаступление и практически овладела основными рычагами экономической власти. Параллельно шел нарастающий процесс становления бюрократического капитализма различных уровней (частного, госкапиталистического и госмонополистического). Теперь уже слово “демократия” стало чуть ли не бранным, а значительная масса демократов быстро трансформировалась в “государственников”. О демократии вспоминали те и тогда, когда чьи-то интересы оказывались ущемленными.

Среди важных факторов, блокирующих формирование гражданского общества в современной России, отнюдь не на последнем месте стоит незавершенность процесса национально-государственного строительства. Исторически гражданское общество всегда формировалось в рамках национальной государственности. Это естественно, ведь наличие последней означало превалирование гражданского сознания над всеми примордиальными ориентациями (семья, род, этнос, конфессия).⁶ Оно также означало наличие отчетливого чувства идентичности независимо от классовой принадлежности, на чем и основывалась идея управления по согласию (некоему Общественному Договору). Но именно всего этого нет пока в России, зато есть неравномерность социально-экономического и политического развития разных частей Российской Федерации, разнородность ее национально-этнического и конфессионального состава.⁷ И если говорить о чувстве идентичности в российском обществе, то нужно признать, что сегодня нет еще какой-то одной универсальной идентичности. Существенная часть населения по инерции осознает себя в рамках “советской идентичности”, некоторая часть — российской идентичности, немало и таких, для которых конкретная национально-этническая идентичность стоит на первом месте. Те процессы, которые наблюдались в этой сфере в течение 1990–1996 гг. вряд ли способствовали ускорению формирования гражданского общества и лишь усугубили дело. Я имею в виду, в частности, противоборство республик, автономий, краев, областей и даже округов с федеральным Центром по поводу своей суверенизации; тесное (иногда просто нездоровое) сближение государственной власти и конфессиональных структур и т.п. Даже спустя пять лет государственно-административное устройство России не определилось окончательно, равно как и вопрос о статусе и степени интеграции России в рамках СНГ. Я уже не говорю о том идеологическом вакууме, который образовался в результате развала СССР. Либерализм так и не сумел восполнить этот пробел. Ерничанье либеральной прессы по поводу “колба-

сной психологии” “хомо-советикус” не пользовалось большим успехом у той многомиллионной массы людей, у которых теперь не оказалось ни колбасы, ни идеологии.

Фрагментация и партикуляризация общества способствовала ослаблению доминирования над ним центральной государственной власти, но это не было подлинным обретением свободы для граждан. Во-первых, на место общегосударственного господства заступил деспотизм (подчас более жесткий) региональных властей. Во-вторых, — и это может быть еще более важно, — за прошедшие годы произошло глубокое отчуждение реального общества от государства. Последнее было фактически всецело поглощено своими собственными, чисто бюрократическими проблемами: удержанием власти и внутренним фракционным противоборством; массовым обогащением через коррупцию; поддержанием зарубежного престижа на “должном” уровне и т.д. Государство фактически перестало выполнять в эти годы ряд важнейших своих функций, а его высшие представители открыто “тусуются” на бесчисленных вечерах и юбилейных встречах с финансовыми тузами и прочими представителями новой экономической элиты. Прикрываясь лозунгом перехода к рыночным отношениям, представители государственной власти делают вид, будто Россия уже развитое капиталистическое общество, и забота об обеспечении прожиточного минимума — дело самих трудящихся. Тем самым игнорируется вторичность российской модели общественного развития и вытекающая из этого особая трудность приспособления населения к специфике переходного периода, неготовность основной его массы к новым формам экономической активности. Государство самоустранилось от решения всех этих проблем так же, как оно не предприняло никаких действенных мер для защиты более 3 млн. неискушенных россиян, доверивших свои сбережения лжебанкам и прочим псевдофинансовым организациям, или для решения проблемы неуклонно растущей безработицы, достигшей к весне 1996 г. 6,5 млн. человек (а с учетом неполностью занятых — 10 млн. или 13,5% экономически активного населения).⁸

Власть в России в рассматриваемый период не выполняла по отношению к обществу даже обычных неотъемлемых от самого понятия “государство” функций и прежде всего — по обеспечению легального правопорядка. О правовом беспределе в России написано уже немало, чтобы останавливаться на этом здесь подробно, но все же следует отметить, что “государство коррупции” и не спешило создавать антикриминальную инфраструктуру. По крайней мере до середины 1996 г. затягивалось принятие законов “О борьбе с организованной преступностью”, “О борьбе с коррупцией”, “Об ответственности за легализацию преступных доходов”. Если в Китае, например, отсутствие развитой законодательной инфраструктуры в сфере рыночной экономической активности довольно эффективно восполнялось до сих пор традиционной конфуцианской этикой, которой руководствовались бизнесмены в своих деловых взаимоотношениях, то в России при отсутствии подобной традиции государство фактически отдало все виды предпринимательства на откуп мафиозным структурам, которые и вершат “суд да дело” и за существенную мзду обеспечивают относительную экономическую безопас-

ность.

Исполнительная власть периодически создает видимость озабоченности решением социальных проблем, принимая различные указы и программы, но все обычно оставалось на бумаге и не реализовывалось никем на практике в связи с отсутствием “механизма реализаций”. Аналогична и судьба правительственной программы “Реформы и развитие российской экономики в 1995-1997 годах”, предусматривавшей систему социально-экономической защиты работников наемного труда, включая механизмы своевременной выплаты заработной платы (вот такую новую проблему удалось “вывести” в России, невиданную даже в развивающихся, не говоря уже о развитых, странах), а также усиление социальной поддержки слабозащищенных групп населения с целью сокращения масштабов бедности (создается впечатление, что новые российские власти действовали по старому советскому шаблону — сначала создавать проблему, а потом долго и безуспешно решать ее). Вряд ли даже опытные специалисты способны определить процентное соотношение трех составляющих государственной социальной политики: а) наплевательского отношения к населению; б) непрофессионализма и в) осознанного бюрократического и политического умысла. Но в любом случае государство фактически подало “на развод” с большей частью реального общества.

В результате отмеченных выше (и многих других) политических и экономических изменений общие возможности самовыражения и активной самостоятельности будущих элементов гражданского общества в России значительно сузились. Обозначился спад общественного интереса к политике. В одной из своих статей С. Перегудов отмечал: “В качестве основополагающих принципов, на базе которых функционирует гражданское общество, Гегель называет, наряду с принципами частной собственности и личной свободы, ‘публичность’ и ‘всеобщую осведомленность’, свободно формирующееся общественное мнение, а также справедливые и строго соблюдаемые законы”.⁹ Так вот, ни один из этих принципов не функционировал нормально и в достаточном объеме в 1992-1996 гг. Произошло прогрессирующее сужение доступа общества к полноценной, неискаженной информации. Хорошо известны случаи физического устранения тех немногих корреспондентов, которые пытались правдиво освещать острые злободневные вопросы. Место политической цензуры заступила экономическая. Теперь уже очень мало кто мог позволить себе, как это было в годы горбачевской перестройки, выписывать по 4-5 газет и 2-3 журнала, чтоб методом сопоставления и более широкого охвата составить более или менее достоверную картину происходящего. А сами средства массовой информации стали заангажированными, и представителю общественности трудно, практически невозможно было пробиться на страницы газет, если его мнение не совпадало с их ориентацией. Я уже не говорю о телевидении, доступном теперь только очень состоятельным людям. К тому же за последние годы отчетливо проявилась тенденция “обуздания” телевизионных вольностей государством. В результате растущая волна политизации общества в 1985-1991 гг. в дальнейшем (особенно после 1993 г.) резко пошла на спад.

Государство стало узкоэлитарным, обслуживая интересы прежде всего а) собственного бюрократического аппарата, б) верхушки хозяйственной номен-

клатуры и в) определенную часть нуворишей (особенно финансовых), но не справляясь с одной из своих основных ролей — “арбитра”, разрабатывающего и контролирующего соблюдение “правил игры” в сфере экономических и социальных отношений между различными классами, слоями и группами общества. Процессы становления партийно-парламентских структур в качестве одного из главных каналов взаимодействия между государством и реальным обществом затормозились и в чем-то обратились вспять. Скорее всего, это было объективно обусловлено, так как вновь возникшие политические партии были еще весьма незрелыми, не имели глубоких корней в реальном обществе. Они пытались имитировать политическую структуру западных обществ, а не выражать конкретные социальные интересы своего общества, и носили персоналистский характер (партии отдельных амбициозных личностей).¹⁰ К тому же лидеры этих партий энергично стремились приобщиться к иерархии бюрократической, авторитарной по своей природе исполнительной власти или, как минимум, получить возможность привилегированно “тусоваться” в законодательном органе (парламенте, Думе).¹¹ Это и послужило основной причиной развала некогда довольно массового движения “Демократическая Россия”, равно как и утраты широкой социальной базы, созданной на основе этого движения партии Гайдара. Один из родоначальников проельцинского “демократического движения” — Г. Бурбулис как бы подвел итоги в конце мая 1996 г. энергичной деятельности по созданию “многопартийной” системы: “Оценивая основные тенденции в российском обществе, можно утверждать, что для большинства населения России чрезвычайные усилия существующих политических организаций — партий, движений, ассоциаций, групп, блоков и т.д. — малозначимы. Люди... ощущают дефицит доверия ко всему тому, что имеется сегодня на политическом ‘рынке’”. Причины подобного положения, по его мнению, кроются в том, что теперь основные интересы людей обращены к таким “базовым сферам жизнедеятельности”, как воспитание детей, здоровье, бытовое устройство, жилье, надежная работа и т.п.¹²

Единственной хорошо организованной и имеющей четкие идеологические установки партией остается КПРФ. Но она добивалась не просто участия в существующей власти, а принципиального изменения самого характера власти. Естественно, поэтому, что она неизменно находилась в остроконфликтных взаимоотношениях с исполнительной властью, а это вело скорее к гражданской войне (что фактически уже начиналось в 1992 г.), чем к стабильному гражданскому обществу. Таким образом, трансформация КПРФ, принятие ею “новых правил игры”, является одним из (многих) условий появления относительного политического консенсуса, а значит, и предпосылок формирования гражданского общества. (Я здесь не касаюсь возможного — и довольно распространенного в развивающихся странах — альтернативного варианта: силового навязывания военными “политического консенсуса” путем временного устранения или моратория на деятельность всех политических партий). На протяжении всего рассматриваемого периода КПРФ и фактически примыкающие к ней Аграрная и другие более мелкие партии преобладали в парламенте (Верховном Совете, Думе). Такая социально-экономическая разноориентированность законодательной и испол-

нительной властей постоянно дестабилизировала политическую ситуацию в стране и вынуждала последнюю предпринимать попытки “обуздания” партийно-политических структур. Так как применение вооруженного насилия в октябре 1993 г. и даже одобрение референдумом новой Конституции в декабре того же года не разрешили до конца эту проблему (хотя и значительно укрепили исполнительную власть), то с марта 1994 г. были предприняты (правда столь же безуспешные) усилия по мирному вовлечению партийно-парламентских структур в орбиту президентского влияния (усилия С. Филатова по объединению различных партий, блоков, ассоциаций и групп в рамках “Договора об общественном согласии”). Парламентские выборы 1995 г. (и намеченные вслед за тем президентские выборы 1996 г.) делали для исполнительной власти задачу ее доминирования над партийно-парламентскими структурами особенно настоятельной. Были предприняты попытки формирования “сверху” (т.е. президентским аппаратом) “двухпартийной системы”. И если “Наш дом Россия” (НДР) в качестве правительственной партии был создан бюрократически-приказными методами сравнительно легко и быстро, то “оппозиционный” блок И. Рыбкина так и не смог появиться на свет. Но и модели “доминирования правительственной партии” в рамках квазипарламентской системы (наподобие “Голкара” в Индонезии или южнокорейской модели 60-80-х годов) тоже не получилось. НДР так и не сумела выполнить эту роль, как не удалось значительно ранее Е. Гайдару склонить Б.Н. Ельцина возглавить партию “Демократическая Россия”, а Г. Бурбулису — создать президентскую партию.¹³

Можно констатировать, что за прошедшие годы ни верхам, ни по инициативе “снизу” не удалось создать сколько-нибудь удовлетворительно функционирующие партийно-парламентские структуры. Несколько иначе обстояло дело с корпоративизмом, по крайней мере в той части, которая касалась непосредственно российского бизнеса. Здесь изначально существовала спонтанно возникшая тенденция, отражавшая стремление различных предпринимательских слоев лоббировать свои интересы путем создания различного рода ассоциаций, союзов, клубов и т.п. Первые такие организации возникли еще в горбачевский период в 1988 г. (Московский союз кооператоров, Ассоциация совместных предприятий). Начало волны пришлось на 1992 г. и в дальнейшем число их сильно приумножилось, но особенно влиятельными стали ассоциации банкиров. Не отставал также и “директорский корпус”, во главе с А. Вольским, К. Затулиным, Г. Скоковым. Все эти структуры стремились участвовать в разработке законов и указов, затрагивавших интересы предпринимательства, нередко пытались выступить в роли посредников между противоборствующими ветвями власти и т.д. В общем и целом, это была попытка внедрить в России неокорпоративистского типа взаимосвязи между бизнесом и государством. Но ни общество, ни государство у нас не Западное. Естественно, поэтому, что ничего путного из этого не получилось. Западная неокорпоративная модель, которая, как отмечал в своей статье С. Перегудов, “основана на взаимозависимости ‘заинтересованных групп’ и государства, вовлеченности первых в систему подготовки и принятия государственных решений и потому принимающих на себя обязательства по их реализации”, не сформировалась,¹⁴ а вышло “как всегда” (Черномырдин). Государство и прежде всего номенклатурная

бюрократия, увидев угрозу своему привилегированному положению, выступили с контрмерами, начав создавать различного рода полугосударственные структуры: предпринимательские советы при Президенте (позже “Совет по промышленной политике”), при Правительстве, при мэре и правительстве Москвы с участием представителей частного бизнеса. Государство стремилось превратить эти учреждения в “приводные ремни”, но уже не партии, а высших органов правящей номенклатуры, своего рода “удлиненную руку” государства (полуфеодально-раннекапиталистического типа).

Нечто подобное, но с большим успехом, было реализовано в 60-80-х годах в Южной Корее, где через подобные советы Правительство осуществляло стратегическую ориентацию всего экономического развития. Но там это были полностью государственные учреждения, в заседаниях которых принимали участие представители крупного бизнеса. Но в нашем насквозь коррумпированном и претендующем на демократичность государстве не получился даже такой вариант. Главной формой государственных взаимоотношений с частным бизнесом стали полулегальные связи высшей номенклатуры с избранной и привилегированной частью крупного бизнеса, балансирующие подчас на грани нарушения законности, а также нелегальные коррупционные взаимосвязи средней номенклатуры (в том числе на федеральном, а также региональном и муниципальном уровнях) с бизнесом соответствующего “ранга”. В этой модели “лощади и всадника” роль “всадника” неизменно играет государство в лице его высшей номенклатуры, и речь правильнее всего было бы вести о своего рода традиционном корпоративизме абсолютистского или раннекапиталистического толка. Но в условиях современной России с ее вторичной догоняющей моделью этот корпоративизм интенсивно окрашен в мафиозный цвет.

В итоге в стране уже сложился бюрократический госкапитализм и быстро формируется (с 1995 г.) бюрократический госмонополистический капитализм, которые и являются ведущими укладами в российской смешанной экономике. В этом свете представляются весьма наивными рассуждения Е. Гайдара после президентских выборов 3 июля 1996 г., о том, что теперь только Ельцин решит, какого рода капитализм будет в России: “Или это будет очень аморальный капитализм, или он будет современным, основанным на законе, и либеральным”.¹⁵ Тем более, что именно политика Е. Гайдара и А. Чубайса фактически открыла все шлюзы для ускоренного формирования бюрократических капиталистических структур. Ведь нетрудно было предвидеть, что политика максимального либерализма в махрово-бюрократической стране неизбежно должна была пойти на пользу в первую очередь хозяйственной номенклатуре.¹⁶ И все это делалось под широковещательные разговоры о необходимости формирования “среднего класса” как основы демократии в России. Но именно спонтанно возникшие элементы действительно частного предпринимательства оказались оттесненными на обочину и жестко маргинализированы. Так что решать теперь будет уже не Ельцин, и устранять (вернее цивилизовывать) *уже существующий* аморальный капитализм, равно как и снижать уровень его коррумпированности сможет (если сможет) кто-то другой.

* * *

По необходимости бегло очерченные выше общие черты взаимоотношений официального государства и реального общества в современной России выглядят, естественно, мрачновато, но (судя по историческому опыту других стран) не совсем безнадежно. В конце-концов, речь идет лишь о “пробуждении России”, и в этом смысле достигнуто уже немало. Капитализм везде и всегда рождался значительно раньше демократии, которая возникала лишь при более или менее зрелом частнохозяйственном капитализме. Демократические течения появились у нас под влиянием внешнего мирового опыта, поэтому-то у них не оказалось достаточно глубоких корней в реальном обществе. И именно поэтому после бурного, во многом иллюзорного и кратковременного расцвета демократии она быстро увяла, а российские демократы и либералы не смогли эффективно использовать свое пребывание во власти и либо сами обюрократились, либо тихо отошли на обочину большой политической “дороги”. Даже реальный шанс формирования более или менее деятельной и сравнительно массовой демократической оппозиции в 1995-1996 гг. (ядром которой могло стать “Яблоко”) оказался упущенным. И возможно это также было объективно неизбежным на данном этапе развития российского общества. Так что России предстоит еще не одно десятилетие упорной и самоотверженной борьбы и консолидации демократических сил, прежде чем она придет к подлинной демократии. Это будет, вместе с тем, и процесс кристаллизации гражданского сознания или формирования полноценного гражданского общества.

Примечания

- 1 Л. Гудков, Ю. Левада, А. Левинсон, Л. Седов, “Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений”, *Коммунист*, № 12, 1988, с. 74, 78.
- 2 Там же, с. 79.
- 3 *Сегодня*, 8 февраля 1996.
- 4 Российское демократическое течение в 1990-1991 гг. опиралось на довольно широкую поддержку той части советского общества, которой импонировала критика коммунистических порядков.
Весьма интересное исследование, проведенное в рамках российско-французского проекта среди активистов новых социальных движений в России, показало, что весьма значительную массу людей объединяло отрицание существующих порядков, т.е. негативная платформа, но у них совершенно отсутствовала позитивная программа переустройства общества. Исключительно характерным представляется высказывание одного из “демократических” активистов: “Я знаю, что я хочу жить хорошо..., знаю, что для этого нужны определенные демократические перемены...” (*Новые социальные движения в России*, М.: Прогресс-комплекс, 1993, с. 28). Десятки миллионов россиян думали тогда: вот учредят умные дяди демократию и будет жить хорошо. Что при этом нужно еще хорошо и много работать, мало кому

- приходило тогда в голову. Когда же в 1992 г. выяснилось, что жить стало хуже, многие из бывших демократических активистов заговорили о необходимости “авторитаризма”, “сильной руки” и т.п. (См. там же, с. 32).
- 5 Даже многие из тех участников массовых движений, которые поддерживали “Демократическую Россию” до 1992 г., после “хождения во власть” ее руководителей, а также оформления движения в партию, сочли себя обманутыми, увидев, очевидно, что для этих лидеров главной целью стало вытеснение прежней правящей элиты из сферы управления, а не радикальное обновление моральных устоев общества (См. там же, с. 23-24, 33-34).
 - 6 В этой связи вряд ли можно безоговорочно принять мнение И.М. Клямкина и Т.И. Кутковец о том, что “семейный”, а не “государственный человек” — “это и есть наш главный шанс” (*Сегодня*, 1 февраля 1996). Я ничего не имею против и безусловно за укрепление семейной ячейки нашего общества, но гипертрофия семейной ориентации как раз и подчеркивает отсутствие гражданского общества, вследствие чего у значительной части населения все еще сохраняется отмеченная авторами потребность в “государственной опеке”. Трактовка ими “примера — аргумента” аденауэровской Германии не очень удачна, так как оставляет за скобками, а) что Аденауэр представлял сильную государственную власть, которая к тому же знала, как именно следует развивать экономику, и б) что национально-государственная ориентация немецких граждан была весьма значительным фактором, приведшим в конечном итоге к объединению страны и абсорбации миллионов лиц немецкого происхождения из других стран.
 - 7 Трудно согласиться с М. Леонтьевым, который участвовал в избирательной кампании декабря 1995 г. под лозунгом “построение русского национального государства” и который ратовал за “самоорганизацию русской нации”, понимаемой как “полиэтническое образование, связываемое с принадлежностью к русской культурной и духовной традиции” (*Сегодня*, 9 декабря 1995). Хотел того автор или нет, по фактически он игнорирует реальную полиэтничность российского (а не русского!) общества, и предлагаемое им решение означает насильственную ассимиляцию, способную только сильно задержать (если не обратить вспять) веками происходивший в российском обществе естественный процесс многогранной ассимиляции, причем на базе не только русской культурной и духовной традиции, хотя последняя играла, несомненно, ведущую роль.
 - 8 *Независимая газета*, 20 февраля 1996; *Финансовые известия*, 30 апреля 1996.
 - 9 С. Перегудов, “Гражданское общество в политическом измерении”, *Мировая экономика и международные отношения*, № 12, 1995, с. 78.
 - 10 Все это до боли напоминает политическую ситуацию в тех развивающихся странах, которые после достижения независимости прошли через более или менее кратковременный период свободной политической деятельности, результатом чего было появление многих десятков мелких персоналистских “партий”. См. также, *Новые социальные движения в России*, с. 39, 53, 56-58.
 - 11 “Что-то не припоминаются партии или движения, где страсти бушевали бы

вокруг идей, а не лакомого кусочка”, — комментировал ситуацию журнал *Итоги* (21 мая 1996, с. 24).

- 12 *Дело*, № 20, май 1996. Цитировавшаяся уже группа социологов справедливо отмечала, что резкое падение интереса населения к политике началось уже с конца 1991 г. См., напр., *Новые социальные движения в России*, с. 70 и др.
- 13 И. Клямкин увидел в создании НДР еще одно проявление некоей уникальности России: власть, мол, “объявила себя частью гражданского общества” (См. *Дело*, № 20, май 1995). Но в том-то и дело, что до гражданского общества в России еще далеко, и если бы И. Клямкин обратил свой взор не на Запад, а на Восток, то легко увидел бы много примеров того, как исполнительная власть создает для себя “правлящую партию” с тем, чтобы контролировать квазидемократические процессы. У нас потому и не состоялась подобная модель, что наша авторитарная власть была слабой и рыхлой, тогда как в Азии она функционировала в контексте жестких военно-авторитарных режимов.
- 14 См. *Мировая экономика и международные отношения*, № 12, 1995, с. 79.
- 15 *The Japan Times*, July 10, 1996.
- 16 Целый ряд либеральных деятелей, в том числе сподвижников Е. Гайдара по партии и правительству (Нечаев, Авен, Бойко и многие другие) непосредственно приняли участие в процессе бюрократической капитализации, используя свое привилегированное положение и бюрократические prerogatives.